

*Памяти
Александра Самойловича Ахиезера*

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX в. отмечен в отечественной социально-гуманитарной науке важным теоретическим и методологическим сдвигом — сменой познавательных ориентиров от социоцентризма, в русле которого объяснительные конструкции выстраивались на основе апелляции к обществу, общественным отношениям, к культуросентризму, в русле которого такого рода конструкции стали выстраиваться на основе апелляции к культуре. Несомненно, значительную роль в этом процессе играла повседневность, которая выдвигала проблемы, теоретическое осмысление и решение которых было неосуществимо в рамках «старых» социоцентристских научных подходов. Крах социализма и развал СССР заставили усомниться в универсальности и непреложности марксистских схем и задуматься о некоторых иных, партикулярных закономерностях национального развития. Поиск этих закономерностей приводит к выделению культуры как базовой основы общественного бытия, соответственно как сферы, в которой укоренены политические, экономические, социальные проблемы России. В результате философская, социологическая, политико-правовая, экономическая, религиоведческая, этическая, эстетическая и т. д. мысль словно открывает для себя новый путь рассуждений, новый способ прочтения уже существующих и новую логику конструирования новых научных тем. Не будет большим преувеличением квалификация названного гносеологического сдвига как научной революции — налицо все ее признаки: перестройка мировоззренческого, аксиологического, методологического фундамента научных исследований, изменение дисциплинарной структуры науки, создание новых учебников и т. д. Необходимо отметить, что в результате перехода к культуросентризму актуализируются относительно новые для отечественного научного знания исследовательские объекты — политическая культура, правовая

культура, экономическая культура и т. д., формируется новая научная и учебная дисциплина — культурология.

Важно отметить специфическую особенность российской культурологии — в отличие, скажем, от Британских *cultural study*, с самого начала своего существования она заявила о себе как о науке фундаментальной, ориентированной не на сбор и описание фактов, но на выявление внутренней логики культуры, экспликацию смысловых алгоритмов социального развития. Пафос культурологических исследований концентрировался в стремлении разрушить устоявшееся в интеллектуальной культуре представление о культуре как сфере по определению иррациональной, непознаваемой, закрытой для теоретического анализа. Российские культурологи ставили перед собой нелегкую задачу понять Россию умом, постичь архитектонику русского духа, выявить смысловые составляющие национального характера. Курс на рационализацию культурологических исследований определил необходимость формирования адекватного теоретического аппарата, соответственно в иерархии культурологических проблем на первое место выдвигается проблема метода культурологических исследований.

Значительной вехой в истории отечественной культурологической мысли стало открытие в 1996 г. в Москве теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» под руководством А. С. Ахиезера. В рамках этого семинара кристаллизуется определенная система понятий, постепенно входящих в широкий научный оборот и обретающих статус культурологических категорий. Необходимо отметить, что постоянные участники семинара: И. Г. Яковенко, А. А. Пелипенко, И. В. Кондаков, А. П. Давыдов — сегодня известны как ведущие российские культурологи.

Однако постепенно культуроцентристские исследовательские стратегии теряют свою притягательность, происходит нечто, не вписывающееся в классические модели роста научного знания, а именно возврат к исходной социоцентристской, а также актуализация антропоцентристской и децентристской парадигм. В результате интерес к таким жизненно важным для нашего общества исследованиям, как исследования экономической, правовой, политической и т. д. культуры,

падает, а существование культурологии как научной и учебной дисциплины ставится под сомнение.

Цель исследования — способствовать развитию культуроцентризма как парадигмы научного познания. Разумеется, такого рода цель не является самоцелью — развитием культуроцентризма ради культуроцентризма. Как представляется эвристический потенциал культуроцентризма далеко не исчерпан. События последних лет показали, что именно культура — религиозная, политико-правовая, экономическая, научная, нравственная и т. д. — является своего рода иммунной системой социального организма, защищающей или разрушающей его. Конечно, не следует рассматривать культуру как некий нависший над обществом фатум. Культуру в многообразии ее форм можно изменять, однако такого рода преобразовательная деятельность должна опираться на понимание механизмов динамики культуры, на конструирование идеальных типов культуры, на моделирование условий, способствующих минимизации энтропийного и максимизации экстропийного потенциала культуры.

Предлагаемая вниманию читателя книга создавалась на протяжении по меньшей мере пятнадцати лет. Отдельные ее части публиковались в сокращенном виде как статьи в различных научных журналах. Однако эта книга — не сборник статей. Она задумывалась как целостное произведение, а публикации в журналах служили лишь апробацией написанного.

Свой труд я посвящаю Александру Самойловичу Ахиезеру. Это не просто жест благодарности и уважения Учителю, с которым меня связывали долгие годы работы над кандидатской и докторской диссертациями, статьями, совместной монографией [1]. Книга написана в исследовательской традиции, созданной А. С. Ахиезером.

В чем заключается ценность и уникальность этой традиции?

Ценность созданной А. С. Ахиезером исследовательской традиции заключается в первую очередь в том, что в качестве предмета исследования в ее рамках полагается культура, понимаемая как смысловое основание человеческого бытия. Эвристический потенциал такого подхода трудно преувеличить не только потому, что он помогает понять глубинные основания человеческой деятельности и социального вза-

имодействия, но и потому, что он позволяет приоткрыть завесу тайны над тем, как «работают» механизмы смыслообразования, следовательно, как и почему изменяются модусы человеческого бытия.

Уникальность, созданной А. С. Ахиезером исследовательской традиции, заключается в том, что в ее рамках определяются не только некие типы культуры, т. е. типы смысловых оснований той или иной сферы человеческой деятельности и социального взаимодействия, но выявляется их сложная смысловая палитра, репрезентируются их семантические каталоги. Так, к своему фундаментальному труду «Россия: критика исторического опыта» Ахиезер прилагает словарь, включающий 335 терминов, обозначающих смыслы, присущие трем типам культуры — традиционному, утилитарному, либеральному [2]. По сути, Ахиезер создает семантические базы данных русской культуры. Сегодня, когда актуализируется проблема создания сильного искусственного интеллекта, оперирующего, по утверждению Д. Сёрля, не только синтаксическими, но и семантическими структурами, все более очевидной становится важность такого рода семантических исследований [3].

Конечно, настоящее исследование едва ли можно рассматривать как прямое продолжение исследований Ахиезера.

Во-первых, потому, что оно носит не исторический, но теоретико-методологический характер, эмпирическая конкретика используется в нем только в качестве примеров и иллюстраций.

Во-вторых, потому, что речь в этом исследовании идет не только о русской культуре, но и о культуре, условно говоря, общечеловеческой.

В-третьих, потому, что в качестве объекта исследования автор выделяет определенные сегменты культуры — формы культуры.

Понятие «формы культуры» неоднозначно. Можно говорить по крайней мере о двух вариантах его прочтения. В первом варианте под формами культуры понимается культура различных социальных общностей — элитарная культура, массовая культура, народная культура и т. д. Во втором варианте под формами культуры понимается культура, детерминирующая различные сферы жизни человека и общества, — религиозная культура, политическая культура, экономическая культура и т. д.

Необходимо констатировать, что такая совокупность форм культуры, как элитарная культура, массовая культура, народная культура, культурологией достаточно хорошо освоены, им посвящены статьи, монографии, разделы в учебниках [4].

Что касается религиозной, политико-правовой, экономической, научной, художественной, нравственной и т. д. форм культуры, то они изучались, как правило, по отдельности и не культурологией, а иными дисциплинами: религиоведением, политологией, правоведением, экономической социологией и т. д. Оригинальность данного монографического исследования заключается в том, что впервые вместе изучаются формы культуры, которые обычно изучались отдельно, разными дисциплинами — этикой, политологией, экономической социологией, религиоведением, историей и философией науки, эстетикой и т. д. Собрание обозначенных форм культуры в одной книге указывает, с одной стороны, на междисциплинарный, с другой стороны, на культурологический характер исследования. Разные формы культуры рассматриваются сквозь призму единой культурологической методологии, что позволяет воочию убедиться в их связях, в параллелизме их развития.

О какой «культурологической методологии» идет речь?

Исходной позицией исследования форм культуры в данном случае выступает представление о детерминации социальных явлений и процессов культурой. Культура предстает как мотивационное основание человеческой деятельности в многообразии ее форм — религиозной, политико-правовой, экономической, научной, художественной. Методологический аппарат исследования формируется в результате синтеза системного, герменевтического, аксиологического, феноменологического подходов. В качестве ключевых процедур здесь выступают процедуры смысловой редукции и идеального типизирования. В процессе процедуры смысловой редукции исследователь, отсекая внешние характеристики религиозной, политико-правовой, экономической, научной и т. д. сфер деятельности человека, выявляет их внутренний ноуменальный — смысловой — контент. Процедура идеального типизирования есть не что иное, как типизация этого контента. Понятно, что для такого рода типизации необходим некоторый особый — смыс-

ловой — критерий. Культура в многообразии ее форм складывается в процессе взаимодействия человека и общества с природой и в целом с окружающим миром. Специфика той или иной культуры определяется тем, как понимается отношение человека и общества к природе и окружающему миру. Отношение к миру — своеобразная проекция тех критериев, которые применяются в межличностном общении. Можно выделить три основных варианта отношения человека и общества к окружающему миру: «мир—условие», «мир—средство» и «мир—цель»; соответственно три типа религиозной, политико-правовой, экономической, научной, художественной и т. д. культуры: традиционный, утилитарный, креативный. Посредством отнесения к данным идеальным типам возможно выявление специфических особенностей названных форм культуры той или иной эпохи, той или иной этнической, национальной, региональной общности. Иными словами, выделенные типы религиозной, политико-правовой, экономической и т. д. культуры призваны служить инструментом познания реальности. Именно поэтому исследование форм культуры позиционируется как теоретико-методологическое.

Если попытаться определиться с жанром монографии, то необходимо констатировать, что она едва ли являет собой научный трактат, включающий исчерпывающую информацию относительно всех форм культуры. Культура — сложный объект, задавая различные критерии его структуризации, можно получать разные структурные элементы. Поэтому, очевидно, разнообразие форм культуры неисчерпаемо, как неисчерпаемо и разнообразие сфер деятельности человека.

Жанр монографии — серия культурологических этюдов, которые тем не менее связаны сквозными лейтмотивами (общими фундаментальными понятиями) и написаны во вполне академической манере.

Монографию открывает глава «Культуроцентризм», в которой анализируется это понятие, а также научная парадигма им обозначаемая. Затем следует глава «Культура, мысль, смысл», в которой репрезентируются основные теоретико-методологические позиции исследования, фундаментальные понятия, к которым прибегает автор. К слову, название «Культура, мысль, смысл» заимствовано мною у А. С. Ахиезера, который планировал написание монографии с таким названием, однако

его планам не суждено было реализоваться. Последующие главы посвящены формам культуры: религиозной, политико-правовой, экономической, научной, художественной, медиакультуре, цифровой культуре, нравственной культуре. В последней главе «Культурология как строгая наука» обсуждается вопрос возможности превращения культурологии в строгую науку, развивается идея монообъектности, но полипредметности и полиметодологичности культурологического знания. Наконец, в заключении автор позволяет несколько, условно говоря, «лирических отступлений», повествуя о том, как культурологическое знание работает в повседневности.

Кому и зачем нужна эта книга?

Моя целевая аудитория, конечно, культурологи. Сфера знания, обозначаемая в специальностях ВАК как культурология, продолжает оставаться в состоянии неопределенности и размытости. Возможно, эта книга будет способствовать самоопределению культурологии как научной и учебной дисциплины. Помимо этого книга обращена к тем, кто занимается исследованием той или иной формы культуры. Конечно, эта монография не учебник и даже не учебное пособие. В ней представлено не конвенционально одобренное, принятое научным сообществом знание, но знание новое, дискуссионное, только выносимое на суд научного сообщества. Настоящее исследование в целом следует рассматривать как вариант осмысления форм культуры, не исключающий, но предполагающий иные варианты.

Наконец, эта книга может быть полезна всем, кого интересует религия, экономика, политика, право, искусство, так как в ней предложено нетрадиционное прочтение вполне традиционных тем.

В заключение этого короткого введения я хотела бы выразить благодарности. В первую очередь моим сыновьям Роману и Алексею, которые в силу моей извечной занятости, в том числе и написанием этой книги, вынуждены были многие свои детские и недетские проблемы решать самостоятельно. Я признательна также всем, кто поддерживал меня словом и делом.

ГЛАВА I

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЗМ

Одним из широко бытующих в современном отечественном социально-гуманитарном дискурсе является звучащее одновременно поэтично и рационалистично понятие «культуроцентризм». Решение предпринять погружение в семантику этого сложносоставного понятия созрело под давлением следующих обстоятельств: нарастающей диффузии этого понятия, проникающего во все более широкие дискурсивные пространства; чрезвычайной расплывчатости его семантики и как следствие превращения в «яблоко раздора» — споров относительно его как социально-политической, так и теоретико-методологической валидности.

Потребность в семантических штудиях понятия «культуроцентризм» представляется очевидной, поскольку анализ различной литературы показывает, что это понятие претендует на статус метапонятия, номинирующего не только определенную стратегию общественно-политического бытия, когнитивную установку, но и мировоззренческую позицию. Таким образом, ответ на вопрос, что есть «культуроцентризм» — очередной модный термин, обозначающий все что угодно и ничего конкретно, или принципиально важный концепт, открывающий новые горизонты в понимании жизни человека и общества, — представляется своевременным.

История становления идеи культууроцентризма в России

Заметим, что термин «культуроцентризм» присутствует и в евро-американском научном дискурсе, однако в этом дискурсе понятие «культуроцентризм» означает отнюдь не глобальную философскую идею, но лишь стратегию межкультурной коммуникации. Типичным для евро-американского научного дискурса является отождествление понятий

«культуроцентризм» и «этноцентризм». Именно так мыслит один из представителей «межкультурной философии» Франц М. Виммер [1].

Что касается российской философии, то здесь идея культууроцентризма рассматривается именно как глобальная философская идея, т. е. как некий универсальный принцип бытия человека и общества, освещающий все его аспекты.

Понятие «культуроцентризм» имеет в российской интеллектуальной культуре довольно давнюю историю. Изначально оно использовалось для характеристики русской философии XIX в. Последняя называлась культууроцентричной, поскольку в центре ее внимания стояла проблема культурной самобытности России. Известно, что модернизация российского общества, начало которой было положено реформами Петра I, носила догоняющий характер, основной ее стратегией было заимствование и насаждение европейских культурных образцов. Именно поэтому проблема единокультурия — многокультурия (монокультурализма — мультикультурализма) столь живо волновала российских философов. Как славянофилы, так и западники ставили вопрос будущего российской культуры на первое место. Можно без преувеличения сказать, что русская философия по своему тематическому содержанию была практически философией культуры, т. е. главным образом рефлексией по поводу русской культуры. Именно в этом плане она и была культууроцентричной. В качестве примера культууроцентричной философии можно привести философию Н. А. Бердяева, который эксплицировал специфические черты русского менталитета, вскрыл культурную суть русской идеи, выявил культурные истоки русского коммунизма [2]. Впрочем, по мнению исследователей, культууроцентризм был присущ творчеству и других представителей русской философской традиции. Например, О. В. Хрипункова полагает, что творчество Д. С. Мережковского имело культууроцентристскую направленность. При этом под культууроцентризмом исследователь понимает восприятие и трактовку культуры как наиболее значимого феномена общества [3]. И. П. Смирнов утверждает, что в основание оригинальной историософии И. П. Федотова лежал культууроцентристский подход [4].

В России XX в. проблема путей развития российской культуры отходит на второй план. Господствующая в СССР марксистско-ленинская философия позиционирует культуру как надстройку над экономическим

базисом. Однако вопреки теоретическому определению культуры как явления вторичного по отношению к экономике по своей сути советское общество было не столько экономоцентричным, сколько культуроцентричным. Нельзя не с огласиться с М. Вебером, что отличительной чертой коммунизма как хозяйственного уклада является отсутствие точного расчета, калькуляции в сфере потребления, коммунистические социальные отношения основываются на непосредственном чувстве солидарности членов группы и опираются на общие ценности неэкономического характера [5].

В постсоветской России вследствие кризиса марксистско-ленинской философии и практикуемого исследователями на протяжении 70 лет формационного подхода, происходит серьезный эпистемологический сдвиг — переход к новой методологической парадигме. Таковой становится культурно-исторический (О. Шпенглер) или цивилизационный (А. Тойнби) подход. В рамках этих подходов в качестве базиса — основополагающего фактора социального развития — определяется культура. Именно в этот момент и происходит актуализация идеи культуроцентризма. Понятно, что выдвижение идеи культуроцентризма было связано с критическим состоянием общества, поиском некоей национальной стратегии развития. Идея культуроцентризма представлялась как спасительная нить Ариадны, способная вывести общество из тупика социализма. Однако по мере развития идея культуроцентризма получила кардинально разные трактовки. Сегодня эта идея достаточно широко обсуждается российским интеллектуальным сообществом. Причем российские философы, социологи, культурологи разделились на два лагеря — одни выступают как защитники этой идеи, другие как ее противники.

Культуроцентризм как социальная стратегия

Обращение к текстам, включающим понятие «культуроцентризм», показывает, что в отечественной социально-гуманитарной науке это понятие используется в первую очередь для обозначения стратегии социального бытия, в рамках которой культура, речь идет о духовной культуре, выступает в качестве главного ориентира человеческой деятельности и социального взаимодействия.

Значительная часть российских исследователей позиционирует культуроцентризм как стратегию в высшей степени созидательную — основу личностной идентичности, фундамент общественного согласия, катализатор социального и личностного роста.

А. С. Панарин определяет культуроцентризм как тип мышления, связанный с тяготением к духовным измерениям и приоритетам, характеризующий постэкономического человека и постиндустриальную цивилизацию и противостоящий техноцентризму, присущему человеку экономическому и соответственно цивилизации индустриальной [6]. Культуроцентризм, в его видении, есть способ преодоления социальной разобщенности: «В культуроцентричном космосе нет индивидов-атомов, ибо культура, как и религия, означает связь, объединение людей на основе общих ценностей» [7].

В. И. Толстых репрезентирует культуроцентризм как следующую после техноцентризма ступень развития человеческой цивилизации. Под культуроцентризмом исследователь понимает преобразование в новое качество всей духовно-мотивационной сферы любой человеческой деятельности, повышение статуса нравственных, религиозных и собственно личностных факторов в процессе становления цивилизации «постматериальных ценностей» [8].

В. С. Библер представляет культуроцентризм как особую ситуацию, которая складывается в мире в XX в. и характеризуется выдвижением культуры в эпицентр всех человеческих деяний. Философ констатирует, что в XX в. мировые войны, всеобщее беженство, социальные и колониальные перевороты, стремительное ускорение научно-технического прогресса лишают человека привычных защитных оболочек — государства, общества. Человек выбрасывается из своего дома, из своей семьи, из своего социального слоя, из страны — на улицу, в окопы, в концлагеря, в изгнание. Он вынужден заново формировать свою социальность, свою нравственность. Единственной опорой в этой сложной ситуации для человека является культура. Бытие мира понимается Библером как произведение культуры [9, с. 233—243].

А. Я. Флиер утверждает, что выдвинутая В. М. Межуевым модель эволюции философской, научной и общественной мысли: «натуроцентризм—социоцентризм—культуроцентризм» отражает тенденцию

возрастания роли культурных оснований и стимулов социальной активности людей [10, с. 10].

А. С. Запесоцкий выдвигает идею культуроцентристской модели образования, суть которой заключается в приверженности к гуманитарной культуре — нравственности, религии, философии, творчеству. Он полагает, что погружение технологического блока образования в общекультурный контекст позволяет минимизировать сопровождающий эпохи реформации кризис идентичности [11].

О. Ф. Морозова позиционирует культуроцентризм как наиболее эффективную управленческую стратегию: «Мы убеждены, что привнесение принципа культуроцентризма в теорию и практику управления социокультурными системами может способствовать оптимизации современной российской политики» [12, с. 141, 143].

Л. Л. Шпак и Е. В. Головацкий характеризуют культуроцентризм как стратегию развития российских регионов, специфика которой заключается в концентрации внимания на факторном воздействии культуры и на культурных последствиях социального и политического развития [13].

Однако далеко не все исследователи, прибегающие к понятию «культуроцентризм», склонны рассматривать стратегию им обозначаемую как созидательную. Существует обширный пласт научной литературы, где культуроцентризм подвергается серьезной, разносторонней критике.

Один из векторов этой критики — развенчание культуроцентризма как экзистенциальной унификации, сводящей бытие человека и общества к культуре, тем самым урезающей его всеобъемлющую полноту. В основании такого видения лежит, как представляется, убеждение, что залогом аутентичности человеческого бытия является многообразие его аспектов, исключающее какую-либо их иерархию, точнее, предоставляющее самому человеку установление таковой. Именно так мыслит А. В. Павлов, дискредитирующий идею культуроцентризма на том основании, что человек — существо не культурное, и даже не биосоциокультурное, а многофакторное, он — обладающее способностью к самобытию, самосознанию и действию зеркало многочисленных ситуаций, в какие вплетена его жизнь» [14, с. 116].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru